

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-4-4>

УДК 61:314.3-34

Attribution

cc by

КВАЛИФИКАЦИЯ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Марухно В.М.¹, Попова Л.И.², Собянин А.В.²

Кубанский государственный медицинский университет¹,

Кубанский государственный аграрный университет²

Аннотация. В статье исследуется правовое регулирование договора суррогатного материнства в Российской Федерации как гражданско-правового инструмента реализации программ вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) и оформления родительства. Актуальность обусловлена масштабом практики суррогатного материнства и высокой конфликтностью договорных отношений при отсутствии в ГК РФ легально закреплённой модели договора. Цель исследования – проанализировать действующее регулирование ДСМ, выявить пробелы и коллизии для формулирования предложений по квалификации договора и совершенствованию законодательства. Методология включает формально-юридический метод, анализ судебной практики и эмпирический анализ доктрины (контент-анализ публикаций). Обосновывается базовая конструкция договора суррогатного материнства в российском праве через анализ доктрины и судебной практики. Сделан вывод о целесообразности квалификации указанного договора как двустороннего, как правило возмездного договора, наиболее близкого к договору возмездного оказания услуг, при одновременном нормативном закреплении специальных ограничений и отсылок, обусловленных межотраслевой природой института и необходимостью защиты интересов ребёнка.

Ключевые слова: суррогатное материнство, договор суррогатного материнства, вспомогательные репродуктивные технологии, возмездное оказание услуг, правовая природа договора, стороны договора, квалификация договора.

Финансирование: инициативная статья.

Original article

QUALIFICATION OF THE SURROGACY AGREEMENT

Vasilisa M. Marukhno¹, Larisa I. Popova², Andrei V. Sobianin³

Kuban State Medical University¹,

Kuban State Agrarian University^{2,3}

Abstract. This article examines the legal regulation of the surrogacy agreement in the Russian Federation as a civil law instrument facilitating the implementation of assisted reproductive technology (ART) programs and the legal establishment of parenthood. Its relevance is determined by the considerable scale of surrogacy practice and the high level of conflict surrounding contractual relations in the absence of a legally established model of such an agreement in the Civil Code of the Russian Federation. A key objective of the study is to analyze the current regulation of the surrogacy agreement, identify existing gaps and legal contradictions, and formulate proposals for its proper legal qualification as well as for the improvement of legislation. Methodologically, the research is based on formal legal and systemic analysis, the study of judicial practice, and an empirical analysis of legal scholarship through content analysis of academic publications. Particular attention is given to substantiating the basic legal structure of the surrogacy agreement in Russian law on the basis of doctrinal approaches and case law. Overall, the study concludes that this agreement should be classified as a bilateral and, as a rule, remunerative contract most closely resembling a contract for compensated services, while also requiring special statutory limitations and cross-sectoral references due to the interbranch nature of the institution and the need to protect the interests of the child.

Keywords: health workers, provision of medical care, persons assisting care, legal protection, legislation, violence, threats, obstruction of activity, international experience, judicial practice.

Funding: independent work.

Введение.

Суррогатное материнство в Российской Федерации функционирует как устойчивый сегмент применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), обладающий собственными правовыми рисками и типовыми конфликтными ситуациями. По данным Регистра ВРТ Российской Ассоциации Репродукции Человека (РАРЧ), в 2021 г. в 125 центрах ВРТ 2

089 циклов с участием суррогатных матерей завершились переносом эмбрионов, что составило 1.9% от общего количества лечебных циклов ВРТ, доступных анализу (в 2020 г. – 2 203 цикла в 133 центрах, 1.6%).

Показатели результативности программ также свидетельствуют о значимом масштабе практики: в 2022 г. в 135 центрах ВРТ 1 815 циклов с уча-

ствием суррогатных матерей завершились переносом эмбрионов (1.1% от общего числа лечебных циклов ВРТ, доступных для анализа); в результате наступило 870 беременностей [1].

Социальная значимость проблемы договорного регулирования подтверждается тем, что общественное мнение дифференцирует допустимость суррогатного материнства в зависимости от его экономико-правовой модели: по данным ВЦИОМ (2021), 42% респондентов поддерживают разрешение суррогатного материнства на любой основе (возмездной или безвозмездной), 18% — только за денежное вознаграждение, 9% — только на безвозмездной основе, 18% выступают против разрешения института в принципе. Такие результаты демонстрируют общественную значимость вопросов возмездности, содержания обязательств сторон и гарантий исполнения, которые концентрируются в договоре суррогатного материнства [2].

В условиях отсутствия в российском законодательстве легально закреплённой гражданско-правовой модели договора суррогатного материнства правоприменение фактически вынуждено восполнять пробелы посредством общих норм обязательственного и семейного права, что повышает вероятность конфликтов и неоднородность судебных подходов.

Цель исследования — анализ действующего правового регулирования договора суррогатного материнства в Российской Федерации, выявлении пробелов и коллизий, соотношения семейно-правовых и гражданско-правовых начал в природе договора суррогатного материнства для формулирования предложений по квалификации договора и совершенствованию законодательства.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования использованы нормы семейного, гражданского и смежного законодательства Российской Федерации, регулирующие условия и последствия суррогатного материнства и договора суррогатного материнства, правоприменительная практика по спорам, возникающим в связи с заключением и исполнением договора суррогатного материнства, также труды ученых в открытом доступе для обоснования преобладающей позиции по поводу природы договора суррогатного материнства в доктрине.

В работе применялись формально-юридический метод (толкование норм и выявление коллизий), системный и структурно-функциональный анализ (раскрытие межотраслевой конструкции регулирования), сравнительно-правовой метод (анализ зарубежных моделей), а также метод анализа судебной практики (выявление типовых конфликтов и подходов судов к их разрешению).

Для выявления преобладающих подходов к квалификации договора суррогатного материнства в настоящей работе использован эмпирический анализ доктрины: проведён контент-анализ публикаций, в которых прямо обсуждается правовая природа договора

и предлагается его квалификация. В выборку включены 55 публикаций, отобранных из сформированной генеральной совокупности из 303 источников (по правилам расчета выборки) в открытом доступе по критерию релевантности (наличие самостоятельного фрагмента, посвящённого квалификации договора суррогатного материнства, с аргументацией автора), при исключении повторов и материалов, не содержащих правовой позиции по вопросу квалификации. Результаты анализа позволяют количественно описать распределение доктринальных моделей.

Результаты. Обсуждение.

Договор суррогатного материнства (ДСМ) представляет собой соглашение, заключаемое для организации и правового обеспечения участия суррогатной матери в программе ВРТ, направленной на рождение ребёнка для потенциальных родителей (либо одинокой женщины) и последующее оформление родительства в установленном законом порядке [3]. В действующем регулировании само суррогатное материнство описывается через договорную форму (медицинское законодательство прямо использует конструкцию договора), однако гражданско-правовая модель договора как самостоятельного вида в Гражданском кодексе РФ не закреплена. Это означает, что при квалификации договора и оценке его условий правоприменитель опирается на общие положения обязательственного и договорного права, учитывая императивные ограничения семейного и медицинского законодательства.

Понятийно договор суррогатного материнства не следует смешивать с договором оказания медицинских услуг. Медицинская организация осуществляет ВРТ на основании отдельного правоотношения (как правило, договора возмездного оказания медицинских услуг и согласий на медицинское вмешательство), тогда как договор суррогатного материнства регулирует взаимодействие потенциальных родителей и суррогатной матери. Вследствие этого, корректнее исходить из двух параллельных контуров: медицинского (пациент(ы) – медицинская организация) и репродуктивно-организационного (потенциальные родители/одинокая женщина – суррогатная мать). Это разграничение принципиально важно для определения состава сторон, распределения ответственности и оценки допустимости отдельных условий [4].

Предмет договора суррогатного материнства имеет сложную структуру и включает согласованные действия суррогатной матери по участию в программе ВРТ, вынашиванию беременности и родоразрешению, а также организационно-правовые обязанности сторон по обеспечению условий реализации программы (прохождение обследований, соблюдение медицинских предписаний, порядок взаимодействия с клиникой, финансирование расходов и т.п.). При этом конечный юридически значимый эффект договора находится в семейно-правовой плоскости: формируются предпосылки для возникновения у потенциальных родителей

статуса родителей и для устойчивого правового положения ребёнка после рождения [5]. Соответственно, договор по своей цели является организационным инструментом достижения семейно-правового результата, но сам этот результат не может быть полностью сконструирован договором, поскольку зависит от императивных правил об установлении происхождения ребёнка и от предусмотренных законом согласий и процедур.

Вопрос о месте договора суррогатного материнства в системе гражданско-правовых договоров является ключевым в понимании его природы. В литературе, как правило, выделяются несколько основных подходов к определению места договора суррогатного материнства в системе гражданско-правовых договоров, каждый из которых обладает определённой объяснительной ценностью и, вместе с тем, имеет ограничения.

Распространённой является позиция, согласно которой ДСМ по своей структуре и содержанию близок к договору возмездного оказания услуг (обозначаемая нами как услугоподобная модель, услуги). В пользу этого подхода указывается, что предметом обязательства выступают согласованные действия суррогатной матери по участию в программе ВРТ, вынашиванию беременности и родоразрешению, а встречным предоставлением со стороны потенциальных родителей является выплата вознаграждения либо, по крайней мере, компенсация расходов и обеспечение условий исполнения.

Данная квалификация позволяет применять к договору общий инструментарий обязательственного права, в том числе положения об оплате, ответственности за ненадлежащее исполнение и прекращение обязательств, что особенно важно с учётом длительности программы суррогатного материнства и высокой вероятности фактических осложнений. Вместе с тем, в рамках этого подхода подчёркивается, что не вся совокупность условий договора может быть обеспечена мерами гражданско-правовой ответственности, поскольку конечный юридический эффект в виде записи родителей и формирования семейно-правового статуса ребёнка зависит от соблюдения специальных норм семейного законодательства правил регистрации рождения и родительства, а также от волеизъявления суррогатной матери в предусмотренной законом процедуре [6].

Наряду с моделью возмездного оказания услуг, в доктрине встречается попытка рассматривать ДСМ как разновидность договора подряда. Такая позиция обычно аргументируется тем, что стороны могут быть ориентированы на получение результата, а потому договор якобы имеет «результативную» природу.

Однако данная модель подвергается обоснованной критике.

Во-первых, результат, который действительно значим для потенциальных родителей, носит не материально-овеществлённый, а юридико-семейный

характер и не может быть гарантирован только действиями суррогатной матери или условиями договора и зависит от медицинских обстоятельств, императивных требований закона и от установленной процедуры оформления происхождения ребёнка.

Во-вторых, типологические признаки подряда предполагают создание (изготовление) определённого результата, который подлежит сдаче-приёмке и может быть оценён по критериям качества и соответствия техническому заданию. Перенос этих конструкций на отношения, связанные с беременностью и родами, методологически и этически проблематичен, а также сталкивается с пределами допустимости объективации человеческого тела и репродуктивной функции.

В-третьих, договор подряда в классическом виде допускает механизмы обеспечения исполнения, ориентированные на передачу результата заказчику [7].

В контексте суррогатного материнства, аналогия с «передачей результата» неизбежно входит в противоречие с публичным порядком и с приоритетом защиты прав ребёнка как самостоятельного субъекта права. По указанным основаниям квалификация договора суррогатного материнства как подряда представляется нерациональной и не обеспечивающей корректного применения гражданско-правовых норм.

Другой доктринальный подход исходит из смешанного характера ДСМ и допускает сочетание в нём элементов различных договорных конструкций. Действительно, на практике договоры включают организационные положения, условия о взаимодействии с медицинской организацией, компенсационные и конфиденциальные обязательства, что придаёт им комплексный характер [8]. Однако смешанная (комплексная) квалификация нередко критикуется. При отсутствии законодательно закреплённого перечня существенных условий и специальных правил ответственности остаётся неясным, какие нормы и в каком объёме подлежат применению, что способно усилить правовую неопределённость и неоднородность судебной практики [9].

В этой связи, смешанный договор может рассматриваться как характеристика фактического содержания типовых соглашений, а не в качестве самостоятельного решения вопроса о правовой природе.

Наконец, в литературе обосновывается позиция о договоре суррогатного материнства как договоре особого рода (*suí generis*), что позволяет подчеркнуть уникальность его предмета и тесную связь с семейно-правовыми последствиями.

Достоинство данного подхода заключается в том, что он акцентирует пределы договорной автономии и необходимость специальных гарантий защиты прав ребёнка и участников программы [10; 11]. В то же время, при отсутствии легального режима особого договора практическая применимость такой квалификации ограничена: суды и участники оборота вынуждены обращаться к общим положениям обязательственного

права, что неизбежно возвращает правоприменение к конструкциям, наиболее близким по своей природе — прежде всего к модели возмездного оказания услуг [12].

В российской правоприменительной и ведомственной статистике не ведётся централизованного учёта договоров суррогатного материнства как гражданско-правовых соглашений (в частности, отсутствуют официальные данные о типовых договорных моделях и их распространённости).

В связи с этим, для выявления преобладающих подходов к квалификации договора суррогатного материнства в настоящей работе использован эмпирический анализ доктрины: проведён контент-анализ публикаций, в которых прямо обсуждается правовая природа договора и предлагается его квалификация. Единицей анализа выступала отдельная публикация (статья, тезисы, иной научный текст), содержащая авторскую позицию и аргументацию относительно правовой природы договора.

Генеральная совокупность источников (N=303) сформирована по результатам поиска публикаций в открытом доступе за 2020–2026 гг. по ключевым словосочетаниям, связанным с правовой природой договора суррогатного материнства. Из указанной совокупности сформирована выборка (n=55) по критерию релевантности: включались только те тексты, которые содержали самостоятельный фрагмент, посвящённый квалификации договора суррогатного материнства, и позволяли определить позицию автора (прямо либо однозначно по смыслу).

При формировании выборки исключались дубликаты одной и той же публикации в разных источниках, а также материалы, в которых ДСМ упоминался лишь описательно без выраженной правовой позиции по вопросу квалификации.

В качестве исходной точки использовался стандартный расчёт требуемого объёма выборки для оценки долей при неизвестной истинной распространённости позиций (наихудший случай $p=0,5$). Итоговый объём 55 публикаций признан достаточным для количественного описания долей основных подходов и оценки статистической неопределённости результатов.

Для оценки надёжности полученных долей и диапазона возможной ошибки рассчитаны 95%-доверительные интервалы двумя методами: классическим интервалом Вальда с поправкой на конечную совокупность (finite population correction, FPC), учитывающей ограниченный размер генеральной совокупности (N=303) и отбор без повторов, и интервалом Вильсона (Wilson score), который является более устойчивым при малых частотах отдельных категорий и не даёт некорректных границ. Доверительные интервалы Вильсона и Вальда+FPC были рассчитаны с использованием стандартных статистических методов для оценки долей в выборках с конечным числом элементов, что позволяет обеспечить корректную оценку и интерпре-

тацию результатов. Описанный подход также применялся в дальнейшем для оценки доктринальных позиций по поводу состава сторон ДСМ.

По результатам анализа и расчетов, наиболее распространённой является услугоподобная квалификация (по аналогии с договором возмездного оказания услуг, гл. 39 ГК РФ) — 50.9% (**95% доверительный интервал Вильсона: 38.1–63.6%; Вальд+FPC: 38.9–62.9%**); доля смешанного (комплексного) подхода составляет 21.8% (**95% доверительный интервал Вильсона: 12.9–34.4%; Вальд+FPC: 11.9–31.7%**). Для редких моделей (в частности, *sui generis* (3.6%)) и семейно-правовой подход (1.8%,) доверительные интервалы остаются широкими **в относительном выражении**, поскольку число наблюдений в категориях мало (1–2 случая), из-за чего оценка доли имеет высокую статистическую неопределённость.

В целом результаты подтверждают вывод о целесообразности опоры на услугоподобную модель при одновременном нормативном закреплении специальных ограничений и отсылок, обусловленных межотраслевой природой суррогатного материнства.

Полученные данные могут быть использованы в дальнейших исследованиях как дополнительное обоснование выбора исходной квалификационной модели при анализе содержания договора суррогатного материнства.

В формирующемся российском регулировании круг сторон договора суррогатного материнства задаётся через законодательное определение [3]. Суррогатное материнство понимается как вынашивание и рождение ребёнка по договору, заключаемому между суррогатной матерью и потенциальными родителями (либо одинокой женщиной), что формирует базовую двустороннюю конструкцию ДСМ в узком смысле. При этом медицинская организация и возможные посредники (агентства), хотя фактически участвуют в реализации программы ВРТ и сопровождают её организационно, юридически выступают участниками самостоятельных правоотношений (прежде всего договоров оказания медицинских и/или посреднических услуг) и не включаются в круг сторон ДСМ по умолчанию. Такое разграничение имеет принципиальное значение для квалификации обязательства, распределения прав и обязанностей и определения надлежащего субъекта ответственности при разрешении споров.

Эмпирическая проверка того, насколько данная модель поддерживается доктриной, проведена с использованием контент-анализа публикаций с последующей количественной оценкой распределения позиций.

По результатам контент-анализа (n=55, N=303) доля публикаций, в которых субъектный состав договора суррогатного материнства описывается как двусторонний (потенциальные/генетические родители и суррогатная мать без включения медицинской организации в число сторон ДСМ), составила 78.2% (по методу Вильсона 95%-доверительный интервал

66.6–87.2%; по методу Вальда 95%-доверительный интервал 65.6–87.1%). Многосторонняя модель с включением медицинской организации как стороны договора была зафиксирована в 3.6% (по методу Вильсона 95%-доверительный интервал 0.7–12.4%; по методу Вальда 95%-доверительный интервал 1.0–12.3%). В 18.2% (по методу Вильсона 95%-доверительный интервал 10.0–30.5%; по методу Вальда 95%-доверительный интервал 10.2–30.3%) публикаций позиция автора по вопросу состава сторон не выражена либо фиксируется наличие альтернативных подходов без выбора.

Соответственное сопоставление долей и интервалов показывает устойчивость основного вывода: в анализируемом корпусе публикаций преобладает двусторонняя конструкция ДСМ, тогда как многосторонняя модель с включением медицинской организации встречается существенно реже.

В российской правовой системе вопрос возмездности (или безвозмездности) договора суррогатного материнства решается через общую конструкцию гражданского законодательства, в частности, ст. 423 ГК РФ, которая презумирует возмездность договора, если из закона или содержания соглашения не вытекает иное [14]. Закон № 323-ФЗ не закрепляет обязательное вознаграждение как императивный элемент, что позволяет существовать как возмездным, так и безвозмездным моделям договора [3].

Доктрина по-разному оценивает эти подходы: одни авторы считают договор суррогатного материнства возмездным по логике ГК РФ, указывая на проблемы безвозмездной модели в части распределения обязанностей и встречного предоставления. В то же время встречается мнение, что выплаты суррогатной матери следует квалифицировать как компенсацию расходов, что сближает модель с безвозмездной конструкцией.

В нашем исследовании возмездная модель рассматривается как основная для понимания природы ДСМ, поскольку она соответствует общей презумпции возмездности и отражает типичную практику договорного оформления. Однако отсутствие императивного требования о платности позволяет также использовать безвозмездную модель при условии тщательной фиксации компенсационных механизмов и обязательств сторон.

Показательным примером прямого применения к договору суррогатного материнства конструкции возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ) является решение Татищевского районного суда Саратовской области от 26.05.2020 по делу № 2-43/2020. Суд установил, что между истцом и ответчиком была достигнута договоренность о возмездном оказании услуг суррогатного материнства и что денежные средства передавались ответчику в качестве предоплаты (аванса) за вынашивание и рождение ребенка. При разрешении спора суд прямо применил ч. 1, 3 ст. 781 ГК РФ и ч. 1 ст. 782 ГК РФ, указав, что при отказе заказчика от исполнения договора возмездного оказания услуг подле-

жат оплате фактически понесенные исполнителем расходы; поскольку ответчик такие расходы не доказал, суд взыскал сумму аванса в полном объеме [15].

В заочном решении Автозаводского районного суда г. Нижнего Новгорода от 06.11.2025 по делу № 2-5119/2025 суд установил, что 30.06.2022 между истцом и суррогатной матерью (ответчиком) был заключен договор о предоставлении услуг суррогатного материнства (стоимость 800 000 руб.). Ответчик обязалась вынашивать беременность после переноса эмбрионов, однако, не явилась на процедуру ЭКО, что привело к срыву договора. Истец потратил 83 155 руб. на медицинские обследования и 550 000 руб. на кураторские услуги. Суд, на основании положений законодательства, действующих в период реализации указанного договора, признал срыв договора следствием действий ответчика, взыскал убытки в размере 274 255 руб., но отказал во взыскании штрафа по Закону о защите прав потребителей из-за отсутствия предпринимательского статуса у ответчика [16].

Следует отметить, что аспекты предмета и состава сторон договора суррогатного материнства выделены нами как основные, формирующие его существо как правового явления.

Иные аспекты природы и квалификации договора суррогатного материнства (рамочный, каузальный характер, рисковость и др.) не включены в предмет настоящей работы, но открывают перспективу дальнейших исследований в рамках стадийного подхода (заключение, исполнение и расторжение ДСМ) с учетом особенностей отношений суррогатного материнства (хронология событий, медицинские вмешательства, концепция материнства и распределение рисков).

Заключение.

Исходя из изложенного, мы считаем, что договор суррогатного материнства целесообразно рассматривать как двусторонний, как правило, возмездный гражданско-правовой договор, наиболее близкий к договору возмездного оказания услуг, с учётом его специфики и ограничений, вытекающих из императивных норм законодательства об охране здоровья граждан, правил государственной регистрации рождения и родительства.

Такая квалификация в наибольшей степени соответствует фактической структуре обязательства, поскольку предмет договора связан не с созданием о вещественного результата, а с совершением согласованных действий суррогатной матерью и обеспечением программы со стороны потенциальных родителей.

Одновременно, данная квалификация позволяет использовать сложившийся инструментарий обязательственного права применительно к вопросам оплаты, компенсации расходов, ответственности и прекращения обязательств.

Вместе с тем, семейно-правовой результат договора не может рассматриваться как полностью подвластный усмотрению сторон, поскольку установленные происхождения ребёнка, регистрация родителей и

защита интересов ребёнка подчинены специальным императивным правилам.

Эмпирический анализ доктрины также подтвердил устойчивость услугоподобного подхода как преобладающего. Это свидетельствует о наличии достаточных теоретических и практических оснований для его нормативного закрепления.

В связи с этим, нам представляется целесообразным внесение точечного изменения в часть 2 статьи 779 ГК РФ путём дополнения перечня услуг указанием на «услуги суррогатного материнства».

Закрепление услугоподобной природы договора суррогатного материнства на уровне ГК РФ может помочь обеспечить единообразное применение положений главы 39 ГК РФ, в частности, в части расчётов между сторонами, оплаты, компенсации расходов, ответственности за ненадлежащее исполнение и расторжения договора. Одновременно, это позволит снизить

число квалификационных споров, повысить предсказуемость судебной практики и создать более ясные правовые ориентиры для участников программы суррогатного материнства.

Таким образом, совершенствование правового регулирования договора суррогатного материнства должно осуществляться не через попытку полной автономизации данного договора как особого вида вне существующей системы обязательственного права, а через нормативное уточнение его наиболее близкой гражданско-правовой модели с одновременным сохранением специальных гарантий. Именно такой подход способен обеспечить баланс частных и публичных интересов, повысить юридическую определённость и укрепить согласованность правоприменительной практики в данной сфере.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Корсак В.С., Смирнова А.А., Шурыгина О.В. Регистр ВРТ Общероссийской общественной организации "Российская Ассоциация Репродукции Человека". Отчет за 2022 год. Проблемы репродукции. 2024. Т.30. №6. С. 8-24. DOI: 10.17116/rep2024300618 EDN: GYDQKO
2. Суррогатное материнство: за и против: аналитический обзор // ВЦИОМ. 15.09.2021. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/surrogatnoe-materinstvo-za-i-protiv>.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ; в ред. от 17.11.2025 // Российская газета. 22.11.2011. № 263.
4. Бурмистрова Е. В. Правовая природа договора суррогатного материнства // Современное право. 2023. № 10. С. 75-78. DOI: 10.25799/NI.2023.35.35.013 EDN: VADSKB
5. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ; в ред. от 23.11.2024 // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
6. Ярош А. В. К вопросу о гражданско-правовом регулировании суррогатного материнства в России // Право и государство: теория и практика. 2021. № 8. С. 75-79. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_8_75 EDN: AAETZA
7. Кардашевская М. В., Тихомирова О. Г. Соотношение суррогатного материнства и торговли людьми как двух правовых институтов разных отраслей права // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 176-184. EDN: VHJKCV
8. Мирзоян М. К., Беляева К. А. Проблемы правового регулирования договора суррогатного материнства // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 266-267. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_266 EDN: MCPGDU
9. Киселева Т. А. Правовая характеристика договора возмездного оказания услуг и его отличия от договора подряда // Символ науки. 2022. № 12-1. С. 46-51. EDN: QFPSZU
10. Вихарев А. А. О классификации договоров (соглашений) в семейном праве России // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 2 (25). С. 113-120. EDN: LBDPQ
11. Кузюрова Д. Д. Преемственные связи в индивидуально-договорном регулировании частноправовых отношений // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 4. С. 169-174. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-169-174 EDN: GTJVJU
12. Кременец М. Ю. Правовая природа договора о суррогатном материнстве // Вопросы российской юстиции. 2022. № 20. С.149-157. EDN: JPIGPW
13. Анисимов А. П., Мограбян А. С. Договор о суррогатном материнстве в России и зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 5. С. 117-125. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.117-125 EDN: DSBYUQ
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ; в ред. от 31.07.2025 // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
15. Решение Татищевского районного суда Саратовской области от 26.05.2020 по делу № 2-43/2020. URL: <https://clck.ru/3SaBoa>.
16. Заочное решение Автозаводского районного суда г. Нижний Новгород от 06.11.2025 по делу № 2-5119/2025. URL: <https://clck.ru/3SaBjZ>.

References:

1. Korsak V.S., Smirnova A.A., Shurygina O.V. ART register of the All-Russian public organization "Russian Association of Human Reproduction". The report for 2022. Problems of reproduction. 2024. Vol.30. No.6. p. 8-24. DOI: 10.17116/repro2024300618 EDN: GYDQKO
2. Surrogacy: pros and cons: an analytical review // VTsIOM. 15.09.2021. [electronic resource]. - Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/surrogatnoe-materinstvo-za-i-protiv>.
3. On the basics of public health protection in the Russian Federation: feder. Law of 11/21/2011 No. 323-FZ: as amended. dated 11/17/2025 // Rossiyskaya Gazeta. 11/22/2011. No. 263.
4. Burmistrova E. V. The legal nature of the surrogacy contract // Modern law. 2023. No. 10. PP. 75-78. DOI: 10.25799/NI.2023.35.35.013 EDN: VADSKB
5. The Family Code of the Russian Federation: Federal Law. Law No. 223-FZ of December 29, 1995: as amended. dated 11/23/2024 // Federal Law of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.
6. Yarosh A.V. On the issue of civil law regulation of surrogacy in Russia // Law and the state: theory and practice. 2021. No. 8. PP. 75-79. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_8_75 EDN: AAETZA
7. Kardashevskaya M. V., Tikhomirova O. G. The correlation of surrogacy and human trafficking as two legal institutions of different branches of law // Scientific Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. No. 2(99). pp. 176-184. EDN: VHJKCV
8. Mirzoyan M. K., Belyaeva K. A. Problems of legal regulation of surrogacy contract // Agrarian and land law. 2025. No. 3. pp. 266-267. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_266 EDN: MCPGDU
9. Kiseleva T. A. Legal characteristics of the contract for the provision of paid services and its differences from the contract // Symbol of Science. 2022. No. 12-1. pp. 46-51. EDN: QFPSZU
10. Vikharev A. A. On the classification of contracts (agreements) in Russian family law // Law and order: history, theory, practice. 2020. No. 2 (25). pp. 113-120. EDN: LDBDPQ
11. Kuzurova D. D. Succession relations in the individual contractual regulation of private law relations // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2024. No. 4. pp. 169-174. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-4-169-174 EDN: GTJVJU
12. Kremenets M. Y. The legal nature of the surrogacy agreement // Issues of Russian Justice. 2022. No. 20. pp.149-157. EDN: JPJGPW
13. Anisimov A. P., Mograbyan A. S. The surrogacy agreement in Russia and foreign countries // Actual problems of Russian law. 2020. Vol. 15. No. 5. pp. 117-125. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.117-125 EDN: DSBYUQ
14. The Civil Code of the Russian Federation (Part one): Feder. Law No. 51-FZ of 11/30/1994: as amended. dated 07/31/2025 // Law of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
15. Decision of the Tatishchevsky District Court of the Saratov region dated 05/26/2020 in case No. 2-43/2020. URL: <https://clck.ru/3SaBoa>.
16. The absentee decision of the Avtozavodsky district Court of Nizhny Novgorod dated 06.11.2025 in case No. 2-5119/2025. URL: <https://clck.ru/3SaBjZ>

Информация об авторах:

Марухно Василиса Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Краснодар, Россия; E-mail: maruhnovm@ksma.ru

Попова Лариса Ивановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», г. Краснодар, Россия; E-mail: larisa_popova67@mail.ru

Собянин Андрей Викторович, студент, юридический факультет, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», г. Краснодар, Россия; E-mail: andrey.sobuanin@gmail.com

Vasilisa M. Marukhno Associate Professor, PhD in Law, Head of the Department of Philosophy, Kuban State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Krasnodar, Russia.

Larisa I. Popova PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia.

Andrei V. Sobianin Student, Faculty of Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.03.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.04.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.